

Цзян Чжаосюэ слегка кивнула, приветствуя, и, пригнувшись, начала менять обувь.

Цэнь Лубай не сдвинулась с места, продолжая разговор по телефону. Цзян Чжаосюэ услышала чистый, приятный голос, звучащий на кантонском диалекте. Размеренный, спокойный и невозмутимый темп речи в сочетании с холодной отстраненностью создавал удивительный эффект, от которого уши невольно начинали гореть.

Цзян Чжаосюэ на секунду отвлеклась, подумав, что быть подчиненным Цэнь Лубай, судя по её манере общения, должно быть своего рода удовольствием. Разумеется, если только не приходится выслушивать от неё выговоры.

При этой мысли челюсть, напряженная весь день, непроизвольно расслабилась. Трудно было представить, как Цэнь Лубай выходит из себя. Казалось, даже если она разозлится, то будет лишь холодно смотреть, подавляя окружающих своей аурой.

Не желая подслушивать, Цзян Чжаосюэ выпрямилась, вошла в дом и взглядом показала Цэнь Лубай, что направляется в свою комнату.

Цэнь Лубай, всё ещё повернутая к ней, внезапно озарилась мягкой улыбкой. Она, казалось, на мгновение замешкалась, а затем перешла на путунхуа и негромко произнесла:

— Подожди минутку.

Цзян Чжаосюэ поняла, что это обращено к ней.

Цэнь Лубай не заставила себя долго ждать: быстро закончив разговор, она убрала телефон. В её темных глазах появилось тепло, когда она спросила:

— Ты ела?

Цзян Чжаосюэ не видела смысла лгать:

— Нет.

Весь день она была как на иголках и в итоге пропустила ужин в столовой. Настроения специально готовить не было, поэтому она планировала просто перекусить парой булочек.

Улыбка Цэнь Лубай стала заметно шире, и она предложила:

— Тогда как раз удачно. Поужинаем вместе? Тётушка Чэнь приготовила много еды. Знаешь, она всегда делает порции с запасом, — в её голосе промелькнуло легкое смущение.

Цзян Чжаосюэ не ожидала услышать такие нотки в её голосе. Её взгляд на мгновение дрогнул, и она, поддавшись настроению, не удержалась и тоже улыбнулась, почувствовав, как

напряжение отступает.

— Тогда... я воспользуюсь случаем? — пошутила она.

Цэнь Лубай рассмеялась:

— Конечно, ты ведь мне помогаешь.

Цзян Чжаосюэ улыбнулась ещё шире, не решаясь продолжать шутливую перепалку. Они по очереди вымыли руки и вошли в уютную, но редко посещаемую столовую.

Под лаконичной ретро-люстрой Цэнь Лубай стояла у кухонного острова, закатав рукава с изящным узором, и привычно раскладывала еду. Цзян Чжаосюэ вызвалась помочь:

— Давай я.

Цэнь Лубай посмотрела на неё, но Цзян Чжаосюэ настояла. Она подошла ближе и потянулась к фарфоровой чашке и ложке в руках Цэнь Лубай. Её тонкие белые пальцы случайно коснулись костяшек Цэнь Лубай. Та на мгновение замерла, но разжала пальцы.

Уступив место, Цэнь Лубай отошла в сторону и стала наблюдать за изящными движениями Цзян Чжаосюэ. Пар от еды смягчил холод, который вечно сквозил в чертах лица Цзян Чжаосюэ. Она слегка опустила глаза, и длинные ресницы, похожие на крылья бабочки, отбрасывали тень на её прямой нос и нежные губы.

Цэнь Лубай неосознанно потерла кончики пальцев, к которым только что прикоснулись.

— В воскресенье у тебя будет время? — спросила она, не уточняя причины.

Цзян Чжаосюэ ответила не задумываясь:

— Да, а что такое?

Цэнь Лубай пояснила:

— Через полмесяца уже канун Нового года. На следующей неделе будет много работы, удобно ли тебе перенести визит к родителям на воскресенье?

Цзян Чжаосюэ лишь спустя секунду поняла, о чем речь. По обычаям Бэйчэна, в нечетные дни лунного календаря после Нового года замужняя дочь должна навестить родителей супруга, принести подарки — это называлось визитом вежливости.

Их брак был фикцией, но Цэнь Лубай всегда соблюдала все эти интимные супружеские традиции безупречно. Каждый раз, когда они обсуждали подобное, Цзян Чжаосюэ испытывала странное чувство неловкости.

— Удобно, конечно. Ничего страшного. Если ты занята, я могу съездить сама, — её уши слегка покраснели.

Цэнь Лубай улыбнулась:

— Я не занята.

Цзян Чжаосюэ:

— ...

Вспомнив, как каждый раз при визитах к родителям им приходилось нервничать и соревноваться в актерском мастерстве, она почувствовала, как заныла голова. А вспомнив намеки родителей и младшего брата во время обеда, она снова ощутила, как возвращается плохое настроение.

Она передала наполненную чашку Цэнь Лубай, её улыбка погасла, и она погрузилась в свои мысли. Цэнь Лубай приняла чашку, взглянула на неё и проницательно спросила:

— Что-то случилось?

Цзян Чжаосюэ очнулась. Цэнь Лубай смотрела на неё внимательно и нежно, в её глазах плескалось участие и ободрение. Цзян Чжаосюэ закусила губу, почти готовая поддаться этому взгляду, но в итоге лишь покачала головой.

— Ничего особенного.

Взгляд Цэнь Лубай стал серьезным. Помолчав, она опустила веки и не стала расспрашивать дальше.

*

В кабинете, пропитанном ароматом книг и древесины, стояли книжные шкафы из красного дерева. Цзян Чжаосюэ и Цэнь Лубай сидели рядом за длинным столом. Этот стол был свидетелем большинства часов, проведенных ими вместе за последний год.

Тихий свет падал на скульптурно четкий профиль Цэнь Лубай. Она подперла щеку одной рукой, а другой, сжимая серебристую перьевую ручку, оставляла размашистую подпись на документах. Внимание Цзян Чжаосюэ невольно приковалось к ней.

Цэнь Лубай, словно почувствовав это, вопросительно взглянула на неё. Цзян Чжаосюэ прищурилась и уточнила:

— Рисунок на колпачке ручки — это «Зеркало» Чжан Вэньюна?

Чжан Вэньюн был одним из тех художников, на которых Цзян Чжаосюэ обратила внимание в последние годы: его техника была безупречной, а чувство цвета — выдающимся, но из-за необычного стиля он не был широко известен.

Она давно заметила, что у Цэнь Лубай довольно широкий эстетический вкус. Интерьер дома был выполнен в скандинавском минимализме, поэтому картины в кабинете и столовой были западными. Однако некоторые вещи, казалось, тяготели к восточному ретро. Ключи от машины, чехол для телефона, ручка — всё это явно было сделано на заказ, и узоры на них напоминали тонкую живопись Чжан Вэньюна.

Выражение лица Цэнь Лубай стало странным, и не успела она ответить, как телефон Цзян Чжаосюэ, лежавший на столе, завибрировал. Это был голосовой вызов в WeChat от сценариста, с которым её познакомила Жун Чжи. Цзян Чжаосюэ кивнула Цэнь Лубай и, прежде чем ответить, отошла подальше.

— Алло? — вежливо спросила она.

Собеседник не стал тратить время на любезности и сразу перешел к делу:

— Госпожа Цзян, вы сейчас можете приехать? Пожалуйста, подъезжайте в полицейский участок Литун в Северном районе, у Жун Чжи неприятности.

Сердце Цзян Чжаосюэ пропустило удар.

— Что случилось? — стараясь не привлекать внимание Цэнь Лубай, она быстро вышла из кабинета и вернулась в спальню за сумкой.

Друг Жун Чжи кратко пояснил:

— Сами не знаем. Сегодня она обсуждала сотрудничество с продюсером в отеле 197. Разговор затянулся, она сказала, что пойдет в уборную, и долго не возвращалась. Я забеспокоился, позвонил, а там шум, крики. Кто-то подрался.

— Она знакома с ними? — Цзян Чжаосюэ схватила сумку и куртку, направляясь к выходу.

В кабинете Цэнь Лубай уже вышла и стояла у декоративной стеклянной перегородки, глядя в сторону Цзян Чжаосюэ. Та замерла, услышав, как спокойный голос Цэнь Лубай слился с тревожным голосом друга Жун Чжи из динамика телефона.

— Что-то случилось?

— Трудно сказать. Парень Тань Шужу, слышали о таком? Сын владельца отеля Цзюньмин! Он разбил очки какому-то человеку. Тот сейчас в больнице, адвокаты уже в участке. Жун Чжи ничего не говорит, вину не признает, а другая сторона не хочет идти на мировую. Как бы дело не дошло до ареста.

Виски Цзян Чжаосюэ запульсировали. Она хотела спросить, знает ли об этом Тань Шужу, но тут же поняла, что спрашивать бесполезно: отношения Жун Чжи и Тань Шужу не были известны никому, кроме их узкого круга.

Возможно, только Тань Шужу могла бы всё уладить, но Цзян Чжаосюэ не была уверена, захочет ли Жун Чжи этого. В любом случае, нужно было срочно ехать в участок.

— Я уже выезжаю, — она закончила разговор и, подняв голову, снова встретила взглядом с Цэнь Лубай.

— Друг попал в беду, нужно съездить в участок, — коротко бросила она.

Цэнь Лубай нахмурилась:

— Жун Чжи?

Цзян Чжаосюэ замерла, пораженная. Она запоздало поняла, что Цэнь Лубай, должно быть, знакома с Тань Шужу или её парнем. Вспомнились слова Цэнь Лубай на горе Цинфэн о чувствах.

Цэнь Лубай не стала ничего объяснять, просто развернулась и пошла в кабинет:

— Я отвезу тебя.

Вернувшись через мгновение, она уже была в черном пальто и держала ключи от машины. Цзян Чжаосюэ не хотела её беспокоить, но слова о возможном аресте не давали покоя. В итоге она сдалась:

— Тогда побеспокою тебя.

Цэнь Лубай посмотрела на неё и улыбнулась, в её глазах мелькнули искры.

— Пойдем.

Она проводила Цзян Чжаосюэ на лифте прямо в гараж. В ярко освещенном помещении стоял длинный ряд роскошных автомобилей. Цэнь Лубай нажала на кнопку, и фары серого «Куллинана» мигнули. Она кивнула в сторону машины, и Цзян Чжаосюэ села внутрь.

Машина плавно выехала из гаража. Ночная жизнь Бэйчэна только начиналась, улицы были залиты огнями, поток машин не иссякал, но Цэнь Лубай вела уверенно и спокойно.

Цзян Чжаосюэ впервые сидела на пассажирском сиденье в машине Цэнь Лубай. Было видно, что она отличный водитель: движения её рук на руле были искусными и расслабленными. Жаль только, что Цзян Чжаосюэ было не до любования.

Цэнь Лубай, не отрываясь от дороги, сделала несколько звонков по громкой связи, краем глаза замечая, что Цзян Чжаосюэ всё ещё выглядит встревоженной. На красном сигнале светофора она плавно затормозила.

Повернувшись, она встретилась с ней мягким взглядом, а затем подняла руку и очень легко, словно роса на лепестке цветка, потрепала её по волосам.

Цзян Чжаосюэ не успела среагировать, как рука Цэнь Лубай уже вернулась на руль.

— Всё будет хорошо, — сказала она, глядя вперед.

Цзян Чжаосюэ часто заморгала, не веря, что Цэнь Лубай только что сделала такой интимный жест. Но, как ни странно, это её не оттолкнуло. Она тихо ответила:

— Угу.

На душе стало легче от одного лишь спокойного голоса Цэнь Лубай. Казалось, ей ничего не нужно было делать — само её присутствие дарило покой.

<http://bllate.org/book/18697/1807084>